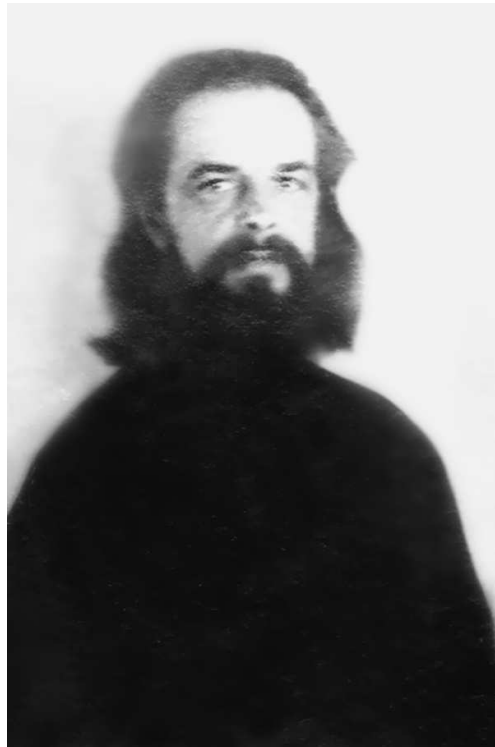

4 (17) февраля

Священномученик
Димитрий (Кедроливанский)

Священномученик Димитрий родился 15 мая 1890 года в селе Шарапово Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Василия Никодимовича Кедроливанского и его супруги Любви Ивановны, урожденной Перехвальской, работавшей в храме просфорницей. По окончании духовного училища Дмитрий поступил в Рязанскую Духовную семинарию, но окончить ее не пришлось: умер отец и мать попросила сына, как единственного кормильца, вернуться домой, так как на ее иждивении осталось трое дочерей.

Дмитрий поступил в Троицкий храм в селе Шарапово псаломщиком, здесь он прослужил несколько лет. Дмитрий Васильевич женился на Александре Никандровне Преображенской и был направлен псаломщиком в храм в селе Кузнецы Егорьевского уезда; в 1922 году он был переведен в Троицкий храм в селе Шарапово, а в 1925 году рукоположен во диакона к этому храму. В том же году отец Димитрий был приговорен к штрафу за выступление на общем собрании против самообложения. В 1929 году он был арестован и приговорен к пяти годам ссылки за то, что не сумел уплатить в срок сельскохозяйственный налог. Ссылку он был отправлен отбывать в город Козлов Тамбовской области, куда за ним уехала и вся семья. В Козлове он стал служить диаконом. Это было время, когда два года подряд в области был неурожай и наступил голод. Люди в поисках пропитания старались хоть как-то передвигаться и часто умирали на ходу на улицах города. Голодала и семья отца Димитрия, и дело дошло до того, что одна из дочерей, обессилев, уже не вставала с постели.

Священник Димитрий Кедроливанский

Архиерей предложил отцу Димитрию поехать служить в храм в село, предполагая, что он найдет там хоть какое-то пропитание; тот согласился и был рукоположен во священника ко храму в селе Сычевка.

Когда отец Димитрий служил в селе Сычевка, в его священнической практике был случай, который он запомнил на всю жизнь. Умерла в его приходе женщина, и родственники на третий день пригласили его к себе домой совершить отпевание. Покойница лежала в гробу, и отец Димитрий начал совершать чин погребения. Вдруг он увидел, что рука покойницы пошевелинулась, он подошел к ней сбоку и увидел, что она открыла глаза. Он прекратил отпевание, женщина приподнялась из гроба и спросила:

– Батюшка, а что это вы пришли?

Отец Димитрий, смутившись, сказал:

– Я пришел посмотреть, как вы себя чувствуете, и соборовать.

– Нет, я вижу, не за тем вы пришли, нет, – и она встала.

Жители села после этого спрашивали, что она видела в загробном мире, и она, что могла сказать, отвечала. Женщина скончалась через две недели, довершив все, ради чего Господь продлил ее жизнь.

За две недели до окончания срока ссылки к отцу Димитрию пришел председатель сельсовета и предупредил, что завтра ему принесут большой налог и тогда он не сможет выехать, так как за неуплату налога его будут стараться опять посадить. В ту же ночь семья собрала все вещи, нашли лошадь с возницей и уехали в Шарапово. Здесь в Троицком храме настоятелем в это время был протоиерей Николай Сперанский, и отец Димитрий стал служить вторым священником, поселившись с семьей в доме псаломщика, так как их собственный дом власти отобрали. Но отец Димитрий смиренно относился к происходящему, он и его семья понимали, что это не какая-то случайная несправедливость, а идет гонение на Православную Церковь и страдать приходится всем.

В 1936 году отец Димитрий испросил благословение архиерея на служение в другом селе, так как в Шарапове ему стало трудно содержать семью с пятью детьми, и архиерей направил его в храм во имя святителя Николая в селе Круги, где служил в это время престарелый священник, который через полгода после приезда отца Димитрия ушел за штат. Приход состоял из жителей самого села и трех деревень и был бедным, так что у прихожан часто не было средств платить за требы. Бывало, умрет человек, скажут:

– Батюшка, надо бы похоронить.

– Ну что ж, конечно похороним, – ответит отец Димитрий.

– Да денег у нас нет.

– Ну, о чем речь. Надо хоронить – похороним.

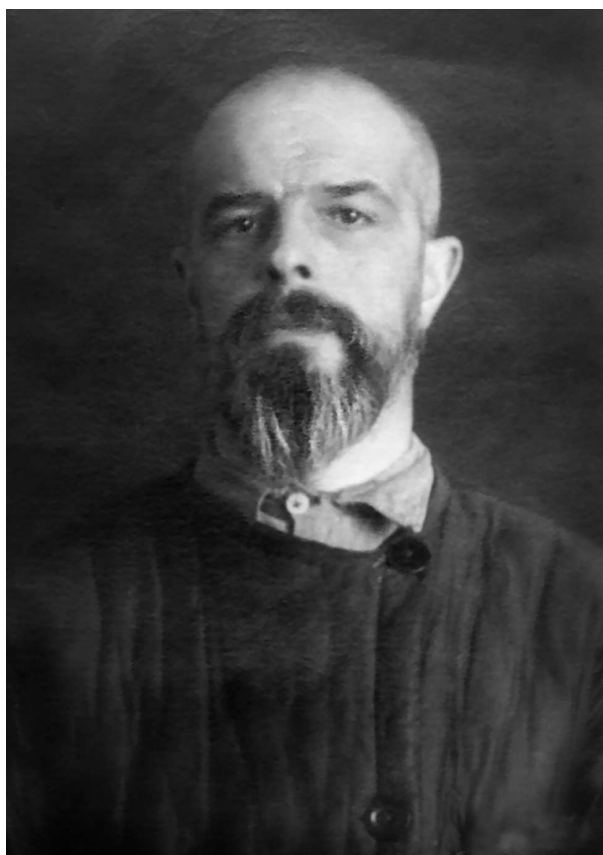
То же самое было, когда приходили крестить. Близкие крещаемых в это время боялись идти в крестные, и крестными – почти для трети села – стали дети священника.

Летом 1937 года гонения на Русскую Православную Церковь усилились, и с осени того же года сотрудники НКВД стали собирать сведения о священнике. Председатель сельсовета дал НКВД справку, что священник заставлял старушек «ходить по дворам и собирать деньги для церкви и их запугивал: в случае не соберут они денег, то церковь закроется»¹. Допрошенная следователем уборщица храма, монахиня, показала, что священник говорил: «Колхозник работает много, но за свою работу получает мало, весь урожай советская власть заберет и колхознику ничего не оставит. Духовенству жить стало трудно, религию

советская власть притесняет. Кедроливанский восхвалял воспитание в старой школе и, возводя клевету на советское воспитание детей, говорил: “При советской власти дети стали распущенными, раньше дети были воспитаннее и старших почитали”»².

В 1937 году, за два месяца до ареста, власти стали вызывать отца Дмитрия на «беседы» и предложили ему снять с себя сан, публично выступить в клубе с заявлением о снятии сана и написать заявление об этом в газету, обещая, что в этом случае не арестуют его. Отец Дмитрий категорически от этого предложения отказался. Супруга отца Дмитрия со своей стороны стала его уговаривать, чтобы он все же снял с себя сан, так как иначе трудно будет поставить на ноги детей, которым всюду чинят препятствия в получении образования, как детям священника, – но и этим уговорам он не поддавался.

Отец Дмитрий был арестован в час ночи 20 января 1938 года и заключен в тюрьму в городе Егорьевске. Незадолго перед этим священнику пришлось уплатить полагающийся налог, и после его ареста семья осталась без средств к существованию. Александра Никандровна очень горевала и не знала, как теперь прокормить себя и детей, но в тот же день стали приходить один за другим прихожане и приносить деньги. Некоторые говорили: «берите, матушка, я батюшке должна за похороны», «я за крестины», а многие и так жертвовали по любви и уважению к пастырю, так что средств на первое время хватило.

*Священник Дмитрий Кедроливанский.
Москва, тюрьма НКВД. 1938 год*

В егорьевской тюрьме работал надзирателем молодой человек из села Круги, он сообщил матушке, где находится отец Дмитрий, и передал от него

записку. Матушка в свою очередь написала мужу записку и передала через надзирателя, а отец Дмитрий написал ответ.

На допросе следователь заявил священнику:

– Следствие располагает данными о том, что весной 1937 года вы среди колхозников занимались восхвалением жизни при царском строе и клеветали на советскую власть.

– Жизнь при царском строе я не восхвалял и клеветой на советскую власть не занимался, – ответил отец Дмитрий.

– Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Нет, не признаю, так как контрреволюционной клеветой я не занимался.

11 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Дмитрия к расстрелу, и администрация тюрьмы намеревалась перевезти его в числе других заключенных в одну из тюрем в Москву. Надзиратель, узнав об этом, сообщил матушке, чтобы кто-нибудь пришел к 12 часам ночи к воротам тюрьмы, – отца Дмитрия будут перевозить. Хозяйка дома, в котором жила семья священника, собрала узелок с едой для передачи. На улице бушевала метель, когда в 12 часов ночи распахнулись ворота тюрьмы и оттуда вышла колонна заключенных, человек двадцать, окруженная вооруженной охраной и сворой собак. Дочь Клавдия стала смотреть, не увидит ли она отца... Священник шел среди заключенных в третьем ряду и окликнул ее. Увидев отца, она попыталась передать ему узелочек с едой, но как только она приблизилась к колонне, собаки начали рваться с поводков и не допускали подойти ближе. Так ей и не удалось ничего передать. Отец Дмитрий, глядя на дочь, закричал: «Клава, иди домой! Иди домой!» До станции было два километра, и дочь пошла вслед за колонной, не в силах расстаться с отцом. Заключенных подвели к вагону, окна которого были закрыты частой решеткой. Отец Дмитрий, поднимаясь в вагон, обернулся и закричал дочери: «Клава, иди домой! Иди домой, я скоро вернусь». Он был перевезен в Бутырскую тюрьму, и 15 февраля тюремный фотограф сфотографировал его.

17 февраля 1938 года отец Дмитрий был привезен на полигон Бутово под Москвой и помещен в барак. Сотрудник НКВД сверил по фотографии, этот ли человек перед ним, и объявил, что тройкой НКВД он приговорен к расстрелу. Затем его вывели из барака и передали палачам, которые подвели священника к краю глубокого рва, начинавшегося в нескольких десятках метров от барака. Священник Дмитрий Кедроливанский был расстрелян и погребен здесь же, во рву, в общей безвестной могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль».

Тверь. 2005. С. 119-125

Библиография

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том II. Тверь, 2005. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 70-76. ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51062.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51062, л. 8.

² Там же. Л. 13.